

ПЕРЕКРЕСТОКЪ

ПАРИЖЪ
1930

Туркочуларга

Бир сабы Мберову
Мберову

отъ "Перекрестке"

и

М. Осенникова - Кузнецова

14/XII - 1930 г.

Старик.

ШЕРЕКРЕСТОКЪ

2

ПАРИЖЪ

1 9 3 0

КНИГА ЭТА ОТПЕЧАТАНА
ВЪ ДЕКАБРЪ 1930 Г. ВЪ
ТИПОГРАФИИ «ПАСКАЛЬ»
13, RUE PASCAL, PARIS - 5-
НА БУМАГЪ VELIN BLANC
« B I B L I O P H I L E »

Ш А Р Т Р Ъ

Подъ солнцемъ Галліи счастливой
Необозримыя поля
Бѣгутъ, волнуются лѣниво,
Вкругъ каменнаго корабля.
И, скрытое тая томленье,
За поколѣньемъ поколѣнье —
Вершатъ свой ежедневный трудъ,
Молитвы небу возсылають,
Рождаются и умирають,
Надъ мертвымъ плачуть, и поють.

И та же въ даль бѣжить равнина,
И та же позолота нивъ,
Какъ въ оный день, какъ ты единый,
Когда, — въ семьѣ гранитныхъ дивъ
Новорождаемое диво, —
Ты воздвигался молчаливо
Въ одеждѣ балокъ и колесъ...
И всталъ, еще объятый пылью,
И своды распустилъ, какъ крылья,
И башень острія вознесъ.

Сокровищница? Птица? Улей?
Въ тотъ день зажженные огни
Притушены, но не задули
Ихъ ливнемъ хлынувшіе дни.
Годовъ несчетныхъ временами,
Невиданными мятежами,
Волненьемъ духовъ окружень,
Летишь! — и розовѣютъ стекла:
Земная слава не поблекла
Въ огнѣ начертанныхъ именъ.

Когда, какой обратный вѣтеръ
Тебя отъ цѣли отнесетъ
И возмущенной бурей встрѣтитъ
Твой незамедленный полетъ?
Эфира горняя прохлада,
Недвижныхъ парусовъ громада
И въ ночь бѣгущія поля...
Лишь рѣдко, подъ - вечеръ, — какъ бремя,
Тебѣ сквозь медленное время
Была летучая земля.

П О Т О К Ъ

Потерянный въ долину отчей,
Ты суетился и бѣжалъ,
Всегда иной и вѣчно тотъ же,
Съ землею смѣшанный кристалъ,
И вдругъ потекъ. Въ тотъ полдень знойный
Холодныхъ водъ потокъ нестройный
Смѣня на теплыя струи, —
Покуда океанъ гремучій,
На гребняхъ волнъ клубящій тучи,
Ихъ не разсѣялъ въ забытыи.

Теки, потокъ! Раздуйте, вѣтры,
Согласьемъ разныхъ голосовъ
Всѣ неисчерпанные метры,
Какъ груды сонныхъ парусовъ, —
Да воскреситъ случайный лирникъ
Въ стѣнахъ прославленной кумирни
Высокій строй забытыхъ одъ, —
Парнасъ безпечный, гдѣ державенъ
Былъ съ Ломоносовымъ Державинъ,
Ведя послушный хороводъ.

Не надо пѣсеннаго дара.
Еще у олимпійскихъ метъ
Былъ полногласный строй Пиндара
На вздохи сапфины — отвѣтъ.

Въ волненья буйнаго години
Стыдомъ безсилья жгутъ сѣдины,
Любовная черствѣетъ рѣчь.
Въ волчкѣ вѣтровъ, несущихъ громы,
Пучками тлѣющей соломы
Костровъ потухшихъ не возжечь. —

Они лежатъ въ степи кругами
Прибитой ливнями золы.
Пожрало жертвенное пламя
Испепеленные стволы
Березъ съ бездумною главою,
Грядой стоявшихъ межевою
Екатерининскихъ дорогъ.
Пусть будетъ голосъ нашъ размѣренъ
Величїя завѣтамъ вѣренъ,
Съ весельемъ друженъ и широкъ,

Какъ ты въ грозу, — покинувъ ложе
Гремящихъ глухо валуновъ,
Катясь громадою пригожей
Въ равнинѣ родственной луговъ.
Забыть — о, тяжкій громовъ молотъ —
Сїяющій нагорный холодъ,
Размѣренъ и созвученъ ты,
И мощи полонъ, и покоенъ,
И чести сильныхъ удостоенъ
Въ покоѣ мощной широты.

ИЛЬЯ ГОЛЕНИЩЕВЪ - КУТУЗОВЪ

Нѣтъ, не повторный ладъ и не заемный кладъ
Въ печальныхъ звукахъ юношескихъ пѣсенъ.
Мы знаемъ — каждый вѣкъ по новому богатъ,
И каждый мигъ по новому чудесенъ.

Остались юнымъ намъ, игравшимъ межъ гробовъ
Въ тѣ безпризорно - смутныя години,
Отъ смертоноснаго наслѣдія отцовъ
Лишь горестныя раннія сѣдины.

И если встрѣтили мы нашъ желѣзный вѣкъ
Не царственно ущербнымъ — *Morituri!* —
И, скорбью пьяные, у Вавилонскихъ рѣкъ
Не прокляли сіянія лазури, —

Лишь потому, что есть всему конецъ,
И времени, и смерти, и забвенью,
Что за чертою тонкою мертвецъ
Облечься долженъ плотью воскресенья.

ДАЛМАТИНСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Непобѣдимая Армада облаковъ
Плыветъ торжественно надъ Адрией ночью,
Надъ безнадежностью безлюдныхъ острововъ,
Надъ этой жесткою и голою скалою.

Пусть легендарныхъ звѣздъ давно угасшій свѣтъ,
Мерцая, серебритъ гордыню смутныхъ палубъ,
Я потерялъ давно надежды первыхъ лѣтъ,
И сердцу скорбному не надо вѣщихъ жалобъ.

Къ чему стремишься ты, строптивая душа?
Иль, снова возмутясь, верховной ищешь власти?
Зачѣмъ твой скрытый взоръ, волнуясь и спѣша,
Стремится разгадать мелькающія снасти?

Онѣ — видѣнія томительнаго сна.
О, пристальнѣй взгляни, ихъ стройный очеркъ таетъ.
Лишь чуткой оцупью незрячая луна
По соннымъ берегамъ, безсонная, блуждаетъ.

О С Е Н Н Е Е С Т И Х О Т В О Р Е Н І Е

Здѣсь грезить міръ. Мнѣ снится тотъ же сонъ.
Любовникамъ въ объятяхъ сонной нѣги
Такъ чудятся, за гранями временъ,
Зеркальныя, утраченныя рѣки.

Завороженъ осенній дремой садъ,
Сроднившійся съ моимъ воображеньемъ
Я создалъ души трепетныхъ дріадъ,
Я посвященъ въ ихъ тайныя служенья.

Природы вѣченъ животворный сонъ.
Печальной радостью меня порадуй!
Уже цѣлуетъ первый Аквилонъ
Обвѣтренныя губы статуй.

И облаковъ торжественный полетъ,
И борода всклокоченная Пана,
И пастуховъ козлиный хороводъ
Во мнѣ живутъ, моимъ восторгомъ пьяны.

REQUIEM

Да, душны дни и ночи тупы.
Лишь разумъ, кропотливый кротъ,
Ходы подземные ведетъ.
Къ чему? О, не дрожите губы,
Умолкни, оскверненный ротъ!

Въ твоємъ молчаньи непритворномъ
Пророческій услышатъ зовъ.
Будь гробомъ и простымъ, и чернымъ
Среди повапленныхъ гробовъ.

ЦИРЦЕЯ

Стенанья сираго сирокко,
И хищный крикъ приморскихъ птицъ,
И тягость избраннаго рока,
И это море — безъ границъ.

Здѣсь скалы дики и отвѣсны.
Мой древній островъ нелюдимъ.
Пиѳійскія разверзлись бездны
И я одинъ внимаю имъ.

Своею волею окованъ,
Безбрежность назвалъ я — судьбой.
Я самъ, Цирцея, зачарованъ
Самимъ собой, самимъ собой.

ЗАВѢТНАЯ ПѢСНЬ

Какъ надъ моремъ летятъ облака,
Такъ надъ вѣчностью мчатся вѣка.
И проходятъ, уходятъ, и снова спѣшатъ
Роковой ускорить возвратъ.

Только тотъ, кто не спитъ, кто вступилъ въ договоръ
Съ неизбывными духами горъ,
И глубокихъ морей, и безкрайнихъ равнинъ
Будетъ царствъ иныхъ властелинъ.

И предъ нимъ разомкнется отеческій кругъ
Зачарованныхъ встрѣчъ и разлукъ.
И онъ будетъ безпечень и вѣчень, какъ свѣтъ,
Улыбаясь теченію лѣтъ.

АЛЕКСѢЙ ДУРАКОВЪ

Я вижу, горы посинѣли
И заалѣли облака.
Рѣка на каменной постели
Горить огнемъ издалека.

Въ душѣ растаялъ мракъ суровый,
И сны я вижу наяву,
И небеса увлечь готовы
Ихъ въ золотую синеву.

Но мысли плѣнныя не выются,
Не рвутся къ небесамъ въ огнѣ,
Онѣ какъ прежде остаются
Въ твоей унылой сторонѣ.

На путяхъ большихъ и хожихъ
Пыль клубится, жаръ гнететь.
Не найти у придорожій
Благодатныхъ струй. И вотъ —

Въ часъ тоски необычайной
Въ нѣдрахъ дѣвственной глуши
Я набрелъ, пришлецъ случайный,
На родникъ твоей души.

И, путями изможденный,
Грудью павши, жадно пью
Изъ криницы благовонной
Неизбывную струю.

Завидую тебѣ, мой другъ,
Какъ духъ твой мыслить непорочно.
Твоя душа проста, какъ кругъ,
Какъ кругъ законченный и точный.

А я себя не узнаю,
Меня измучили пороки.
И въ душу заглянувъ свою,
Читаю приговоръ жестокий.

Обезображенный больнои,
Желая у ручья напиться,
Такъ въ зеркало струи глядится
И видитъ страшный обликъ свой.

Я гляжу въ просторъ, объятый
Чернотой и тишиной,
Мѣсяцъ тонкій и рогатый
Еле тлѣетъ надо мной.

Тишиною полнозвучной,
Усыпленная земля,
Отдыхаетъ сытой, тучной, —
Умъ и страсти утоля.

И какъ высшихъ силъ примѣта —
Даже въ шелестахъ ясна —
Сердцу тихому поэта
Поступь Божія слышна.

ДОВИДЪ КНУТЬ

НОКТЮРНЪ

I

Словно въ щели большого холста,
Пробивается въ небѣ дырявомъ
Ослѣпительная высота,
Леденящая музыка славы.

Это — ночь, первобытная ночь,
Та, что сѣть любовь и разлуку,
Это — часъ, когда нечѣмъ помочь
Протянувшему слабую руку.

Останавливаются часы
Надъ застигнутыми тишиною,
Ложны мѣры и ложны вѣсы
Въ часъ, когда наступаетъ ночное.

Это — ночь: городъ каменныхъ массъ,
Глыбъ желѣзо-бетонно-кирпичныхъ,
Сталь прозрачнѣй, нѣжнѣй въ этотъ часъ
Отъ сомнительной правды скрипичной.

Останавливаются сердца
Безупречныя, какъ лагориѳмы...
Въ этотъ часъ поднимаютъ купца
Надъ счетами полночныя рифмы.

Все, что строилось каторжнымъ днемъ,
Ночью рушится — въ мусоръ и клочья.
Гибнетъ, гибнетъ дневной Ерихонъ
Отъ космической музыки ночи.

Ночью гуще тоска и вино,
Ночью возятъ дневныя салазки,
Ночью бѣлое часто — черно,
Ночью смерть щуритъ ласково глазки.

Ночью даже счастливаго жаль.
Люди ночью слабѣе и ближе...
Расцвѣтаетъ большая печаль
На ночномъ черноземѣ Парижа.

II

О чемъ сказать: о сини безвоздушной,
О сукъ звѣздъ, дрожащихъ надо мной,
О пѣснѣ-ли, мятежной, но тщедушной,
О пѣснѣ, усмиреной тишиной?...

О Розановѣ-ль, на столѣ лежащемъ —
Вопросомъ, на который смерть — отвѣтъ,
Иль обо мнѣ, безсонномъ подлежащемъ.
Къ которому сказуемаго нѣтъ?

Друзья мои, полночные предтечи,
Какъ трудно ночью спать, а не бродить,
Когда намъ нечѣмъ, десятижды нечѣмъ
Ночную душу умиротворить...

Луна виситъ надъ мертвою деревней
Приманкою, что бросилъ въ мѣръ Рыбакъ.
О, жадность, слѣпота добычи древней.
О, лай — о чемъ то знающихъ — собакъ.

Ш

Замерзая, качался фонарь у подъзда.
Полицейскій курился мохнатой свѣчей...
А небо сіяло надъ крышей желѣзной,
Надъ снѣгомъ, надъ черной кривой каланчей.

Скучала въ снѣгу безпризорная лошадь.
Въ степи, надрываясь, свистѣлъ паровозъ.
О Богъ, о смерти хрустѣли галоши.
Арктической музыкой рѣялъ морозъ.

IV

Бездомный парижскій вѣтеръ качаетъ звѣзду за окномъ.
Испуганно воетъ труба и стучится въ заслонку камина.
Дружелюбная лампа дрожить на упрямомъ дубовомъ столѣ
Всѣмъ бронзовымъ тѣломъ своимъ, что грѣетъ мнѣ душу и
руку.

Сжимаются вещи отъ страха. И мнится оргѣевскимъ сномъ
Латинскій кварталъ за окномъ, абажуръ съ небывалымъ жас-
миномъ,
Куба комнатнаго простота нестоличная — и въ полумгль
Заснувшая женщина, стулъ, будильникъ, считающій скуку.

V

Отойти отъ меня человекъ, отойди — я зѣваю.
Этой страшной цѣной я за жалкую мудрость плачу.
Видишь руку мою, что лежитъ на столѣ, какъ живая —
Разжимаю кулакъ и уже ничего не хочу.

Отойти отъ меня, человекъ. Не пытайся помочь.
Надо мною густѣетъ бесплодная тяжкая ночь.

1928.

С Т А Н С Ы

Я думаю. Передъ глазами круги.
Всѣ мысли спутались вокругъ одной.
Я вспоминаю о любимомъ другѣ,
Уже потерянномъ моей душой.

А какъ недавно мы съ нимъ близки были!
Казалось, насъ во вѣкъ не разлучить.
Завистливо чужіе говорили:
Счастливъ, кто можетъ такъ друзей любить!

Еще на гимназической скамейкѣ
— Я это помню, какъ въ неясномъ снѣ —
Записки, прикрѣпленныя къ линейкѣ,
Пересылалъ онъ со стихами мнѣ.

И оставаясь въ классѣ опустѣвшемъ,
Отъ шалостей, привычныхъ намъ, вдали,
О первомъ, о впервые наболѣвшемъ
Мы съ нимъ наговориться не могли.

Какъ были сладки общія печали!
Какъ радостно мы думали о томъ,
Что то же имя намъ случайно дали,
Что мы случайно встрѣтились потомъ.

Мы видѣли божественную волю
Въ случайно насъ связующихъ мечтахъ,
Одну и ту же мы просили долю,
И тотъ же часъ насталь, и тотъ же страхъ.

Уже росло взволнованное тѣло,
Уже росла душа, уже ждала.
Насъ общая судьба крыломъ задѣла
И вмѣстѣ за собою понесла.

Любовью небывалой, красной кровью,
Быль нашъ союзъ желанный закрѣпленъ.
Любовью первой и второй любовью
Мы освятили ревности законъ.

Но третья родилась изъ бурной пѣны,
Какъ Афродита изъ морской волны,
Гдѣ нѣтъ соперничества, нѣтъ измѣны.
Внезапной музыкой побѣждены,

Мы вслушивались въ медленное слово,
Въ земной любви открывшееся намъ.
Бодлера, Тютчева и Гумилева
Читали вмѣстѣ мы по вечерамъ.

О, первыя таинственныя строки!
О, посвященья трепетной рукой!
Мы понимали смутные намеки,
Быль каждый стихъ нашъ — раздѣленный строй.

И отъ шумливой жизни урывая
Хотя бы день, хотя бы только часъ,
Воистину мы достигали рая,
Стихами обступающаго насъ.

Но рифмы сладострастныя манили,
Но чувства безконечныя влекли.
А развѣ властны мы, а развѣ въ силѣ
Мы сами оторваться отъ земли?

И та судьба, тѣ волны, что вздымали
Меня на гребнѣ, пѣнясь и крутя,
Его на берегъ низкій прибивали
И на песокъ играли, какъ дитя.

То, что сближало насъ, что мы любили —
— Насъ раздѣляло, съ каждымъ днемъ вѣрнѣй.
Все безысходнѣй наши встрѣчи были,
И все непримиримѣй и страшнѣй.

Я не хотѣлъ понять и подчиниться.
Прости, мой другъ, прости въ послѣдній разъ!
Мнѣ были ненужны чужія лица,
Чужія души, радость новыхъ глазъ.

Прости теперь прощальныя упреки!
Я боль растилъ, ее навѣкъ пою.
Прости, мой другъ, мнѣ навсегда далекій,
Мою любовь и нелюбовь твою!

ГОЛЛАНДСКАЯ ПЕЧЬ
(двѣнадцать изразцовъ)

Н. Жемчужниковой

1.

Двое за круглымъ столомъ сидятъ за кружками; кости мечетъ одинъ, а другой трубкой стучитъ о сапогъ.

2.

Сторожъ идетъ съ фонаремъ горбатой улицей. Въ небѣ — шпиль колокольни, пѣтухъ, мѣсяца узенькій серпъ.

3.

Теплый вѣтеръ дохнулъ, и таетъ снѣжная баба;
съ черной розгой въ рукахъ, на-бокъ сползаетъ она.

4.

Синія волны шумятъ и чайки кричатъ и кружатся;
двухмачтовый корабль входитъ торжественно въ портъ.

5.

Вьется, летаетъ смычокъ; по всей по полянѣ мелькаютъ
круглыя лица, чепцы, гулко стучать башмаки.

6.

Дремлетъ вечерній каналъ. Рыболовъ въ соломенной шляпѣ тянетъ леску; на ней бьется серебряный ершъ.

7.

Съ криками двое дѣтей пускаютъ корабликъ. Собака, съ длинной палкой въ зубахъ, морду задравши, плыветъ.

8.

Синее небо вверху. Заодно ужъ синею краской тронуты лошади, возъ, мельникъ съ мѣшкомъ на спинѣ.

9.

Заяцъ, уши поджавъ, бѣжитъ; за зайцемъ собака. сзади охотникъ: ружье выше сосѣдней сосны.

10

Палкою съ дуба старикъ сбиваетъ желуди. Свиньи сбились въ кучу. Одна грустно въ сторонкѣ стоитъ.

11.

Мальчикъ бечевкой конекъ приладилъ и пробуетъ: крѣпко-ль? крѣпко. Ранецъ его тутъ-же лежитъ на снѣгу.

12.

Осликъ жметъ къ бычку. Въ окнѣ морозныя звѣзды блещутъ. Надъ яслями кругъ тихо горитъ золотой.

1

Какъ въ синемъ небѣ ясно чертитъ кленъ
Своихъ вѣтвей рисунокъ безупречный,
Какъ благосклонно, какъ спокойно онъ
Роняетъ долу листь пятиконечный.

Осеннихъ дней достигнувъ, онъ стоитъ,
Какъ царь въ своей порфирѣ достославной,
И золото окрестъ себя даритъ
Отъ полноты и щедрости державной.

2

Ни щедрости, ни полноты,
Ни тяжести великолѣпной:
Съ опустошенной высоты
Лишь вѣтеръ рушится враждебный, —
И, дико сотрясаясь, ты

Ему отвѣтствуешь... Зефиръ
Гремящій обернулся бурей!
Такъ, раздарившій цѣлый міръ,
Безумный, нищій, вѣщій Лиръ
Пѣль гибель солнца и лазури.

Другъ мой ласковый, другъ мой любимый,
По осеннимъ, по сжатымъ полямъ
Съ сердцемъ сжатымъ задумчиво шли мы,
И на платье, на волосы намъ

Наносило порой паутины.
Въ синемъ холодѣ западъ тонулъ,
И далекій, печальный, равнинный
Вѣтеръ бѣдную пѣсню тянулъ:

Какъ прощаются, какъ расстаются,
Какъ уходятъ; какъ долго потомъ
Паутины прозрачныя выются
Яснымъ вечеромъ въ полѣ пустомъ.

На столъ, въ веселыхъ буряхъ побывалый, —
Суровое простое полотно,
Вино и хлѣбъ — простѣйшія начала:
Хлѣбъ — крѣпости, и радости — вино.

Безхитростная дѣвушка, да будетъ
Крѣпка и радостна твоя любовь.
Мое-же сердце ввѣкъ не позабудетъ
Тѣхъ тихихъ словъ, тѣхъ настоящихъ словъ,

Что ты сказалъ мнѣ; онѣдохнули
Такою чистотою на меня,
Какъ тотъ прозрачный чистый сокъ, что въ улей
Пчела приноситъ на закатѣ дня.

ВЛАДИМІРЪ СМОЛЕНСКІЙ.

Все сжечь — стихи, любовь, надежды, —
Все позабыть, все потерять,
На рубище смѣнить одежды,
Послѣднимъ изъ послѣднихъ стать.

И безпощадно и сурово
Отвергнуть счастье свое,
Безъ Бога, безъ любви, безъ слова
Влечить земное бытіе.

И можетъ быть тогда, въ холодномъ,
Томительномъ и жалкомъ снѣ,
Надъ прокаженнымъ и голоднымъ,
Въ непостижимой вышинѣ,

Передъ ослѣпшими глазами
Вдругъ загорятся тьмы свѣтилъ,
И за сутулыми плечами,
Почувствуется тяжесть крылъ.

И въ воздаянъе за потери,
Которымъ не было числа —
Обрѣсть, какъ ангелы и звѣри,
Познаніе добра и зла!

А Н Г Е Л Ъ

Бичемъ ремяннымъ подгоняя,
Какъ нерадиваго раба,
Меня влечетъ моя слѣпая,
Жестокая моя судьба.

Въ такой тоскѣ, въ такой неволѣ
Какъ много надо силъ имѣть,
Чтобъ не сойти съ ума отъ боли,
Отъ бѣшенства не умереть.

Но въ темные часы безсилья
Прорѣжетъ тьму — въ который разъ! —
Мерцаніе легчайшихъ крыльевъ,
Сіяніе прозрачныхъ глазъ.

Какъ медленно я умираю...
Но вѣрю, что въ концѣ пути
Онъ пріоткроетъ двери рая,
Крыломъ поможетъ поползти!

У насъ оледенѣла кровь
Отъ ожиданья и печали,
Свою умершую любовь
Мы въ страхъ къ сердцу прижимали.

Мы думали, что оживетъ,
Мы вѣрили, что будетъ вѣчной...
Но время продолжало летъ
Безсмысленный и безконечный.

И проходилъ за срокомъ срокъ,
И слѣпли темныя надежды
И падали у нашихъ ногъ
Ея истлѣвшія одежды.

И открывалось намъ лицо
И тлѣнемъ тронутое тѣло,
И обручальное кольцо
На пальцѣ высохшемъ темнѣло.

Но мы, превозмогая страхъ,
Ее, холодную, качая,
За тѣло принимаемъ прахъ
И вѣримъ, что она живая!

Съ каждымъ годомъ бьется сердце глуше,
Съ каждымъ часомъ бьется сердце тише,
Какъ ни всматривайся, какъ ни слушай,
Не увидишь ты и не услышишь
Приближенья смерти. И напрасны
Будутъ жалкія твои надежды
Сквозь еще не сомкнутыя вѣжды
На мгновеніе, хотя - бѣ неясно,
Хоть на долю малую мгновенья,
Темное лицо ея увидѣть!
Такъ ее любить и ненавидѣть,
Такъ желать ея прикосновенья,
Такъ бояться, и не мочь при встрѣчѣ,
Преодолѣвая страхъ и муку,
Видѣть убивающую руку!
Будетъ путь души высокъ и вѣченъ,
Но нигдѣ, влача свое безсмертье,
Въ неподвижномъ, незакатномъ свѣтѣ
Не увидишь, никогда не встрѣтишь,
Не узнаешь ничего о смерти!

Себя спасти не можешь — даже ты —
Отъ одиночества и темноты.
Твои глаза — хоть нѣтъ свѣтлѣе глазъ —
Темнѣютъ каждый день и каждый часъ.
И все слабѣе слабая рука,
И все сильнѣе по ночамъ тоска.

У, наглухо закрытаго окна
Стоишь ты, неподвижна и блѣдна.
Ты смотришь вдаль. И по твоимъ губамъ
Скользятъ улыбка. Что ты видишь тамъ,
За этой тишиной и темнотой?
Какою невозможною мечтой
Ты сердце ослабѣвшее пьянишь?
Какое ожиданіе таишь?
Какою радостью душа живетъ?

Такъ умирающій безсмертья ждетъ.
Такъ иногда слѣпому снится сонъ,
Что онъ прозрѣлъ, что солнце видитъ онъ,
И у него тогда — о, ложь и страхъ! —
Такая же улыбка на губахъ!

Окончено стихотворенье,
Душа пуста, душа легка,
Дрожить отъ головокруженья
Держащая перо рука.

Миръ призрачный и еле зримый,
Качаясь, въ темноту плыветъ,
Тяжелой, непоколебимой,
Земля изъ темноты встаетъ.

И только на листъ бумаги
Неясный и невѣрный слѣдъ,
И капельки чернильной влаги
Небесный отражаютъ свѣтъ.

И сердце часто и устало
Стучить, какъ будто въ звѣздной мглѣ
И тѣло за душой бѣжало
По небесамъ, какъ по землѣ!

П А Н Ч Е В О

Пустая улица легла
Геометрической прямою.
По ней течетъ ночная мгла
Неторопливою рѣкою.

Въ домахъ же комнаты тѣсны,
Въ домахъ же пышныя перины
И задохнувшіеся сны
У ногъ усталости звѣриной;

И скука многихъ сотенъ лѣтъ
Привычная, почти родная,
Какъ тараканы, какъ обѣдъ,
Какъ эта яблонька худая.

Какъ страшно имя мнѣ произнести
Чудесное! Не имя — заклинанье,
И новою душою разцвѣсти,
И старую жрецамъ дать на закланье;

И на порогъ въ строгій, бѣлый храмъ
Оставить молча прежнія обиды,
Чтобъ тѣни ихъ не гнались по пятамъ
И не былъ праздникъ горькой панихидой;

Чтобъ взоръ былъ ясенъ — горныхъ звѣздъ яснѣй, —
И голосъ мнѣ звучалъ благословенный,
Какъ зовъ святыхъ, ненаступившихъ дней,
Какъ вѣсть любви, единственной нетлѣнной.

Ни мудрости, ни твердой вѣры
Мы въ нашемъ сердцѣ не нашли:
Кто мѣряетъ земною мѣрой,
Не оторвется отъ земли.

И ждетъ все тотъ же путь убогій
Невозлюбившихъ до конца.
Къ престолу огненному Бога
Взойдутъ лишь сильныя сердца

И на высотахъ запредѣльныхъ,
Гдѣ золотой воздвигнуть скитъ,
Покровомъ легкимъ колыбельнымъ
Ихъ вѣчный полдень осѣнитъ.

Всѣ часы по разному стучать;
Всѣ міры по разному кружатся.
Спитъ въ любви невѣдомый разладъ,
Чтобъ влюбленнымъ не соединяться;

Чтобы были мы отдѣлены
Неприступной, страшною стѣною
И, какъ узники, обречены:
Биться, биться въ стѣнку головою

И къ другому узнику взывать
Задыхаясь, мѣсяцы и годы,
Хоть пора смириться и понять:
Нерушимы каменные своды.

Ю. ТЕРАПІАНО

Все, что мнѣ прежде жизнь дала,
Храню, какъ память, въ мірѣ этомъ:
Вотъ въ землю вросшая скала,
Вотъ коршунъ въ воздухѣ нагрѣтомъ.

Міръ — словно первозданный садъ,
Но какъ о немъ сказать словами? —
Слова по новому звучать
Лишь утвержденныя дѣлами.

Случается: вдругъ грянетъ громъ,
Огонь небесъ промчится мимо,
А я все думаю о томъ,
Что прошлое непоправимо.

Душа моя мрачна, горда,
Ни отзвука въ ней, ни отвѣта,
Душа — летійская вода
Въ сіяньи солнечнаго свѣта.

Когда насъ горе поражаетъ,
Чѣмъ больше горе — въ глубинѣ
Упрямой радостью сіяетъ
Душа, пронзенная извнѣ.

Есть въ гибели двойное чудо:
Слабѣя, стоя на краю,
Предчувствовать уже оттуда
Свободу новую свою.

Вотъ почему мнѣ жизни мало,
Вотъ почему, въ бреду, когда
Все кончено и все пропало,
Когда я проклять навсегда,

Въ часъ, въ страшный часъ освобожденья
И возвращенія временъ,
Пѣвучей легкостью сниженья
Я вдругъ внезапно окрыленъ.

Кто понялъ, что стихи не мастерство,
Тотъ пишетъ съ ненавистью, не съ любовью.
Такъ блудный сынъ у дома своего
Предпочитаетъ камень изголовью.

Такъ въ озеро въ часъ утренній рыбакъ
Бросаетъ неводъ и не ищетъ цѣли,
Такъ странникъ входитъ въ стройный полумракъ
Когда всѣ бури плоти отшумѣли.

Даръ одиночества! О, можетъ быть,
Здѣсь такъ и надо, чтобъ о насъ забыли,
Чтобъ перестали вѣрить намъ, любить,
Чтобъ сердце намъ враждой испепелили.

ДОЛИНА СОДОМА

Здѣсь розы больше не цвѣтутъ
И лишь полынь на косогорѣ
Мнѣ говорить: былъ городъ тутъ,
Гдѣ нынѣ соляное море.

Я каждый вечеръ выхожу
На плоскую, чужую кровлю,
Смотрю, гдѣ Богъ провель между,
Гдѣ запретилъ и путь и ловлю.

Легка на соляномъ столпѣ
Донынѣ пыль, налетъ пустыни, —
Воспоминанье о толпѣ
И о поруганной святынѣ.

Я вмѣстѣ съ Лотомъ уходилъ
Изъ города, и вслѣдъ за мною
Персть Божій волны бороздилъ,
Стѣна валилась за стѣною.

Я на песчаникѣ писалъ
О томъ, какъ ангель утромъ раннимъ
Меня за городомъ встрѣчалъ
И вель въ синѣющемъ туманѣ.

Безмолвна даль. Суровый Богъ,
Изведшій праведныхъ оттуда,
Въ часъ гнѣва пощадить не могъ
Страну, не вѣрившую въ чудо.

И плачу о Содомѣ я,
И съ высоты чужого дома
Видна мнѣ родина моя —
Долина грѣшнаго Содома.

КОНСТАНТИНЪ ХАЛАФОВЪ.

Я начинаю вѣрить горькимъ снамъ,
Предчувствіямъ, примѣтамъ, совпаденьямъ,
Невнятицамъ, зловѣщимъ пустякамъ,
Предвѣстіямъ и предостереженьямъ.

Ты знаешь ли ночную эту муть:
Неясно плавающихъ оконъ пятна,
И сердце, сотрясающее грудь
Въ тревогѣ пробужденья непонятной;

Обрывки сна, бродящіе въ глазахъ,
И словъ твоихъ еще живые звуки,
И этотъ, душу холодящій, страхъ.
Предсказанный примѣтами разлуки.

О, этотъ поздній часъ ночной,
И влажной тишины отрада,
И свѣжій запахъ травяной
Изъ отдыхающаго сада!

Улегся вѣтеръ, но еще
Прохладой еле слышно тянетъ,
Какъ будто кто то за плечо
Тихонько трогаетъ и манитъ.

И вотъ она опять — струя
Печальнаго благоуханья...
Не молодость ли то моя,
Ея послѣднее дыханье?

И снова этот голосъ милый,
Весь полный прежняго огня,
Съ непостижимой, дивной силой,
Волнуетъ и живить меня,

Какъ ангельское утѣшенье,
Какъ вѣсть желанная о томъ,
Что послѣ бурь и наводненья
Остался цѣлымъ отчій домъ;

Что такъ же въ немъ свѣтло и ясно,
И ждуть тебя, какъ и тогда, —
Въ тѣ, миновавшіе напрасно,
Твои блаженные года.

Еще грозить крыломъ несчастье,
Еще висить надъ головой,
Какъ уходящее ненастье,
Какъ пологъ тучи грозовой;

Еще зловѣщею толпою
Примѣтъ, предвѣстій жизнь полна,
Но ужъ душа твоей рукою
Отъ злого сна пробуждена.

И сладко ей упиться новью,
Все пережить, все побороть,
Чтобъ новой, лучшею любовью
Благословилъ ее Господь.

Какъ перемучилась душа!
Ей больше ничего не надо,
Ей только бы во снѣ дышать
Въ окно вплывающей прохладой;

И выпросить хоть день, хоть часъ
Для отдыха отъ задыханій
Въ печальномъ запахѣ лѣкарствъ,
Въ спокойствіи воды въ стаканѣ.

А В І А Т О Р Ъ

Пусть мозгъ изъ головы разбитой брызнетъ
Когда нибудь на нѣжную траву, —
Онъ презираетъ смерть, скучаетъ въ жизни,
Все безразличнымъ кажется ему.

Что слава?! Не для славы онъ летаетъ
Всегда одинъ и, возвратясь назадъ,
Онъ шлема кожаного не снимаетъ,
Фотографамъ навѣрное не радъ.

Его лицо знакомо всѣмъ на свѣтѣ,
Скучающее, тусклое лицо.
Онъ побѣдилъ туманъ, и снѣгъ, и вѣтеръ,
Вокругъ земли онъ описалъ кольцо.

Кружится голова, слабѣютъ ноги
Отъ ужаса... О, до какихъ же поръ
Еще блуждать въ пространствѣ безъ дороги
И сердцемъ слушать, какъ гудитъ моторъ...

На страшной глубинѣ сверкаютъ рѣки. —
Такая нѣжность въ солнечныхъ лучахъ.
Нѣтъ больше силъ, — онъ опускаетъ вѣки.
Нѣтъ больше гордости, — есть только страхъ.

И сразу меркнетъ небо голубое,
Стремительно летятъ къ нему поля...
О, не въ моторъ, — въ сердцѣ перебои!
Прощай прекрасная, любимая земля...

Но медлитъ смерть. Онъ снова улетаетъ
И, средь толпы и криковъ безъ конца,
Онъ шлема кожаного не снимаетъ, —
Чтобъ не увидѣли его лица.

Пусть рѣзвый жеребенокъ радъ веснѣ,
Еще не зная ни сохи, ни плуга.
А подъ землей на страшной глубинѣ
Слѣпыя лошади таскаютъ уголь.

Надъ крышами тускнѣютъ облака,
Но на закатъ здѣсь некому дивиться.
Не скука, нѣтъ, — смертельная тоска
Уродуетъ опущенныя лица.

Средь тихо падающей темноты
Какое горькое и злое изумленье —
Зачѣмъ еще растутъ въ садахъ цвѣты,
И слышно птицъ безсмысленное пѣнье?

Зажглась огней мигающая нить
Вкругъ площади, петля иль ожерелье.
И ничего не можетъ искупить
Седьмого дня унылое веселье.

Зачѣмъ средь этихъ безобразныхъ стѣнъ
Рождаются существамъ одушевленнымъ?...

Удивленъ никто, казалось, не былъ,
Поѣзда свистѣли на вокзалѣ,
И подъ медленно плывущимъ небомъ
Дѣловитые автобусы сновали.

За дождливыми, пустыми днями —
День судьбою благосклонной данный...
Въ синей курткѣ хмуро шель за нами
Твой носильщикъ, несшій чемоданы.

Встрѣча всѣхъ нѣжнѣе и чудеснѣй...
Меркло солнце, меркли съ нимъ и лица;
И оно умереть и не воскреснетъ —
Этому никто не удивится.

И любовь моя умереть, навѣрно.
День прошелъ, не узнавъ, не замѣченъ.
Какъ прекрасенъ этотъ свѣтъ вечерній,
Этотъ мѣръ, но онъ недолговѣченъ.

Суета и гамъ тебя встрѣчали,
Въ синей курткѣ счастье шло за нами,
Въ синемъ небѣ, въ синевѣ печали
Звѣзды загорались надъ домами.

Ничто не страшно мнѣ — унылая отвага,
Когда ничто уже не можетъ огорчить.
Брожу по улицамъ неторопливымъ шагомъ
Какъ за покойниками слѣдуетъ ходить.

А ночью небо спитъ надъ этимъ міромъ соннымъ,
Тоска смертельная крадется въ темнотѣ;
Я чувствую себя уже похороненнымъ
И бьется маятникъ въ дремучей пустотѣ.

ТАТЬЯНА ШТИЛЬМАНЪ

Все дружи́й съ безсонницей и скукой
Мой невольный, неразумный страхъ.
Становлюсь скупой и близорукой,
Двигаюсь, какъ стрѣлка на часахъ.

Забываю памятные сроки
И почти совсѣмъ не вижу сновъ...
И все глуше голосъ одинокій
Среди хора звонкихъ голосовъ.

Ни къ чему безсонныя мечтанья
Долгихъ преждевременныхъ ночей.
Только гнетъ нездѣшнихъ ожиданій,
Только блескъ невидимыхъ лучей.

Но въ уединеньѣ и въ обидѣ
Я надежду жалкую таю:
Во плоти — хотя бы разъ увидѣть
Душу неотвязную мою!

Слѣпые дни и сѣренькія ночи
Я уложила въ тихой головѣ.
Пишу со скуки медленныя строчки
Зимой въ мансардѣ, лѣтомъ — на травѣ.

И только разъ — для неурочной встрѣчи —
Единственный, неповторимый разъ,
Огнемъ лиловымъ разгорѣлись свѣчи
И я во снѣ не закрывала глазъ.

За стѣнкою такъ безнадежно звонокъ
Былъ женскій лепетъ — полудѣтскій плачъ.
А мнѣ — мнѣ снились толпы амазонокъ,
Несущихся по дымнымъ скаламъ вскачь.

Отъ этихъ слезъ — безсильныхъ и усталыхъ
Остановившихся въ глазахъ моихъ
Я вспомнила вчера о самыхъ малыхъ
Измѣнахъ и о радостяхъ былыхъ.

Но за суровость тонкаго изгиба
Бровей, за этотъ устремленный взглядъ
Я не сказала тихаго «спасибо»
И прежнихъ словъ я не взяла назадъ.

А въ низкомъ небѣ сталкивались тучи
И дождь стучалъ о черное стекло...
Пусть будетъ — такъ. Такъ — непременно лучше,
Да вѣдь иначе быть и не могло.

СОДЕРЖАНІЕ

ГР. П. БОБРИНСКОЙ

Шартръ	5
Потокъ	7

И. ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ

Нѣтъ, не повторный ладъ	9
Далматинская элегія	10
Осеннее стихотвореніе	11
Requiem	12
Цирцея	13
Завѣтная пѣснь	14

АЛЕКСѢЙ ДУРАКОВЪ

Я вижу, горы посинѣли	15
На путяхъ большихъ и хожихъ	16
Завидую тебѣ, мой другъ	17
Я гляжу въ просторъ, объятый	18

ДОВИДЪ КНУТЬ

Ноктюрнъ I	19
Ноктюрнъ II	21
Ноктюрнъ III	22
Ноктюрнъ IV	23
Ноктюрнъ V	24

ЮРІЙ МАНДЕЛЬШТАМЪ

Стансы	25
--------------	----

ГЕОРГІЙ РАЕВСКІЙ

Голландская печь	28
Какъ въ синемъ небѣ ясно чертитъ кленъ	30
Ни щедрости, ни полноты	30

Другъ мой ласковый, другъ мой любимый	31
На стуль, въ веселыхъ буряхъ побывалый	32

ВЛАДИМІРЪ СМОЛЕНСКІИ

Все сжечь — стихи, любовь, надежды	33
Ангель	34
У насъ оледенѣла кровь	35
Съ каждымъ годомъ бьется сердце глуше	36
Себя спасти не можешь даже ты	37
Окончено стихотворенье	38

ЕКАТЕРИНА ТАУБЕРЪ

Панчево	39
Какъ страшно имя мнѣ произнести	40
Ни мудрости, ни твердой вѣры	41
Всѣ часы по разному стучать	42

Ю. ТЕРАПАНО

Все, что мнѣ прежде жизнь дала	43
Когда насъ горе поражаетъ	44
Кто понялъ, что стихи не мастерство	45
Долина Содома	46

КОНСТАНТИНЪ ХАЛАФОВЪ

Я начинаю вѣрить горькимъ снамъ	48
О, этотъ поздній часъ ночной	49
И снова этотъ голосъ милый	50
Еще грозитъ крыломъ несчастье	51
Какъ перемучилась душа	52

ЕВГЕНІИ ШАХЪ

Пусть мозгъ изъ головы разбитой брызнетъ	53
Пусть рѣзвый жеребенокъ радъ веснѣ	55
Удивленъ никто, казалось, не былъ	56
Ничто не страшно мнѣ — унылая отвага	57

ТАТЬЯНА ШТИЛЬМАНЪ

Все дружныѣй съ бессонницей и скукой	58
Ни къ чему бессонныя мечтанья	59
Слѣпые дни и сѣренькія ночи	60
Отъ этихъ слезъ — безсильныхъ и усталыхъ	61